ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕЯ СИНТЕЗА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК И ЛОГИКА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

М.П. Арутюнян

Опираясь на когнитивный принцип «разноуровневости» методологии (В.А. Штофф) и философско-методологическую идею «синтеза знаний и когнитивных практик», обоснованную в философии познания Л.А. Микешиной, автор обращается к вопросу рефлексивного анализа «методологического синтеза» в контекстах философско-методологического анализа феномена мировоззрения и обсуждает проблему соотносимости идеи синтеза когнитивных практик с актуальными сегодня мировоззренческими контекстами логики трансдисциплинарности в ее экзистенциально-антропологических контекстах.

Ключевые слова: философия познания, уровни методологии, экзистенциально-антропологический поворот, «синтез когнитивных практик», «доверие эмпирическому субъекту познания», мировоззрение, трансдисциплинарность, проективное мышление.

PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL IDEA OF COGNITIVE PRACTICES SYNTHESIS AND LOGIC OF TRANSDISCIPLINARITY

M.P. Arutyunyan

Based on the cognitive principle of “multilevel” methodology (V. A. Shtoff) and the philosophical and methodological idea of “knowledge and cognitive practices synthesis” justified in the philosophy of cognition by L. A. Mikesheina, the author considers the issue of reflective analysis of “methodological synthesis” in the contexts of philosophical-methodological analysis of the worldview phenomenon. The author also discusses the correlation problem of the cognitive practices synthesis idea to the current worldview contexts of the transdisciplinarity logic in its existential-anthropological contexts.

Key words: philosophy of knowledge, methodology levels, existential-anthropological turn, “synthesis of cognitive practices”, “trust in the empirical subject of knowledge”, worldview, transdisciplinarity, projective thinking.

Методологическая идея синтеза знаний и когнитивных практик. Идея синтеза знаний не нова. В ее контекстах и содержании происходят интегративные процессы познания, обосновывается и утверждается мировоззренческий стержень исторического типа культуры. Особый методологический интерес к идее синтеза обнаруживается в кризисные периоды развития общества и состояний его сознания, характеризующихся сменой мировоззрений, научных картин мира, стилей и парадигм мышления. Востребованность такой философской рефлексии становится запросом современности. Объективно складывающиеся процессы глобализации, многомерной коммуникации и интеграции, происходящие в современном техногенном мире, имеют самые разные, в том числе не всегда ожидаемые и желательные для человека и сохранения гармонии мира, последствия. В связи с этим актуализируется практическая проблема моделирования оптимальных для развития человека и человечества социальных, экономических, политических, идеологических процессов; проблема управления и

обеспечения качества жизни. В объективно складывающихся условиях выбора актуализируются исследования многогранности панорамы сознания, сочетания в ней различных методов и методологических ориентиров; открываются возможности критической рефлексии старых оснований и становления новых импульсов саморазвития самого методологического сознания.

Закономерные процессы смены парадигм мышления открывают путь осмысления и теоретической разработки одной из ключевых регулятивных идей методологического сознания – идеи разноплановости и «разноуровневости» методологии как «теории метода» (В.А. Штофф). Именно в ее контекстах и содержании может быть поставлена и теоретически обоснована философская идея синтеза как проблема поиска общих оснований целостности и единства функционирующих различий; исследования многообразия проявления целостностей, имеющих в своих онтологических основаниях – целостности мира, человека, познания, гармонию отношения «человек–мир». Именно глубинная объективная потребность

Арутюнян Маргарита Павловна – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Arutyunyan Margarita Pavlovna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences at Pedagogical Institute of the Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: mpa@email.su

© Арутюнян М.П., 2020

гармонизации системных связей и отношений разрозненных элементов в целое лежит в основании философско-методологической идеи синтеза. Каждый элемент целого удерживает в себе «единое», проявляя сущность целого. Элементы целого, по выражению Гегеля, «светятся в нем».

Диалектика синтеза – как системной организации различий в единое мыслеполе – своеобразно проявляется в закономерностях функционирования методологической ментальности, возникая и утверждаясь в дискурсе философских методологических концептов, где становятся предметом особого внимания и специального исследования предельно общие вопросы теории познания и связанные с ними проблемы эпистемологической коммуникации. В их числе – проблема рефлексии разнородных элементов поля когниций, объективно составляющих единое эпистемологическое пространство¹.

Решения этих комплексных проблем задают особую направленность и тональность разработки теоретической идеи методологического синтеза. Запрос времени побуждает к поиску общих оснований совместных усилий и действий человечества, а с ним – к теоретическому обоснованию сущности и содержания того контекста, в котором эти усилия и их тексты (в том числе науки, философии, религии, идеологии, политического, правового, внеучного, повседневного и т.д. знания) окажутся не просто совместимыми и сосуществующими, но совместимыми и дополнительными, «работающими» в общих основаниях, на общую идею. Возможен ли такой синтез? Теоретически – да. Но практически – он сохраняется и перманентно воспроизводится в качестве очень большой и сложной концептуально-теоретической и экзистенциально-антропологической проблемы. (Хотя поиск путей практического воплощения экзистенциальных идеалов онтологически значим для ценностной регуляции человеческой жизнедеятельности.)

Составляет большую проблему и само теоретическое моделирование целостностей на уровне форматов методологической ментальности. Серьезными методологическими рисками здесь могут стать абсолютизации и возведения в статус «всеобщего» тех или иных методологий, объективно ограниченных заданной предметностью и локальностью ее природы и ее функциональных возможностей. История знает немало примеров подобных

методологических редукций, связанных с ними теоретических просчетов и, как следствие, – возникающих на этой почве серьезных практических проблем. Соответственно принципиально важным для философской методологии оказывается выбор исходной позиции обобщающей аналитики – «синтезирующего аналитического взора», или особой «методологической призмы» исследования. Она открывает возможность созерцания сущего феноменов и оценки потенциала их различий, способности представить, удержать и укрепить саму целостность. Это возможность по-новому увидеть, осмыслить, оценить и обосновать на уровне философской методологии познания потенциал объективно различающихся своим многообразием и назначением форм и методов познавательной деятельности. Сама по себе – это сложная проблема, порождающая перманентный методологический дискурс². И принципиально значимой в поисках оснований обсуждаемой целостности для методолога оказывается исходная позиция – точка отсчета.

Для методологического выбора Людмилы Александровны Микешиной исходным основанием аналитики становится когнитивный потенциал *филосо-*

² Парадигмальные обновления современного методологического сознания становятся знаком времени. Они знаменуют собой уже не столько исторически известные методологические «повороты» философствования, такие как: культурно-исторический, онтологический, герменевтический, лингвистический, коммуникативный, конструктивистский и др., сколько направления, рефлексирющие в таких изменениях, определяющие целостности, синтезы, коммуникации. Это: дальнейшее обоснование «открытой рациональности» (В.С. Швырев); установки на существенно значимый для этого типа рациональности «синтез когнитивных практик», «доверия эмпирическому субъекту познания», «экзистенциально-антропологический подход» (Л.А. Микешина); понимания уровневого строения методологического сознания (В.А. Штофф); признания когнитивного статуса диалога (В. Библер), дискурса как рефлексивной речевой коммуникации (Ю. Хабермас); допущения соизмеримости и «дополнительности» (Н. Бор) разных дискурсов на уровне функционирования фоновых полей, экстенциональных экспланант в обосновании приоритетов той или иной научной методологии; экспликации философии как «единства научного и вне-научного мышления» (Т.И. Ойзерман); анализа «скользящей границы» между «научным» и «ненаучным» мышлением (В.А. Лекторский). Весьма интересными в этом плане представляются направления методологической рефлексии, выраженные следующими лексемами и понятийными связками: «познание, проектирование, идеал» (В.С. Швырев, Е.П. Никитин, А.Г. Никитина); «знание и мироотношение» (В.С. Швырев); «идеал и критическая рефлексия» (М.А. Розов, В.Н. Порус, В.А. Лекторский), соединимость «религии и научного знания» (В.А. Лекторский), «логика разума, парадокса» (В. Библер); актуальными сегодня становятся идеи «логики как теоретической и практической дисциплины» (И.Н. Грифцова), «проективного мышления», «междисциплинарности» и «трансдисциплинарности» и т.д.

¹ Так называемый третий мир, по К. Попперу. Его пространство – объективное содержание культурно-исторической памяти; оно проецируется в состояния, формы и содержание ментальности разных культурно-исторических эпох, доминирующих в них форм и содержаний познания, в форматы организации когнитивных практик, предметов и субъектов – носителей познания. Это пространство открыто исследователю.

софии познания, включающей в качестве важнейших составляющих ее целостности традиционную теорию познания (гносеологию), эпистемологию и философию науки. «Я стою на стороне сохранения и дальнейшего развития систематической философии познания на основе синтеза когнитивных практик, а также диалога двух традиций – рассудочно-рациональной (картезианской) в ее современном виде и экзистенциально-антропологической», – пишет Людмила Александровна. И далее даёт важные методологические замечания – об историчности традиционной субъектно-объектной парадигмы познания и признании права «создавать когнитивные практики вне этой парадигмы». При этом главными для такого методологического синтеза и диалога становятся непреходящие и хорошо известные классической философии принципы: «укорененности познания в бытии», единства и категориальной оппозиции субъекта и объекта, различения эмпирического, трансцендентального и экзистенциального субъекта, принцип «рациональности и преемственности в познавательной деятельности» и др. [26: с. 52–53].

Тем самым методологическая призма философии познания в аргументации Л.А. Микешиной, с одной стороны, сохраняет за гносеологией, эпистемологией и философией науки их философский статус – «всеобщего знания», т.е. их абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу. А с другой стороны, она открывает для этих областей методологии познания новые возможности и горизонты – горизонты их возможных обращений к параметрам социокультурных, культурно-исторических, антропомерных, экзистенциальных контекстов в рефлексии динамики процессов познания. Соответственно для этих областей философского знания открываются и новые ориентиры в аналитике синтеза знаний и когнитивных практик, осмысление вопросов их междисциплинарных и межпредметных связей. Именно в концептуально емких контекстах философии познания становится возможным методологическое прояснение и обоснование особенностей, мировоззренческой природы гуманитарной науки и гуманитарного познания – того познания, где сам текст, по мысли Л.А. Микешиной, выступает «синтетической единицей методологического анализа».

В данных интерпретационных контекстах вполне естественной методологической установкой философии познания для Людмилы Александровны становится и аргументативная позиция *экзистенциально-антропологической меры* анализа. Проецируясь в контексты методологической идеи «синтеза знаний и когнитивных практик», она достаточно гармонично вписывает в методологию познания ведущие понятия экзистенциальной фи-

лософии, такие как: вера, доверие, жизненный мир, миро-воззрение, миро-понимание, понятия целостности человека и человеческого бытия и др. Соответственно и в качестве ведущих когнитивных принципов «целостной философии познания» Людмила Александровна определяет и обосновывает экзистенциально-антропологические понятия и принципы «целостного человека познающего», «доверия человеку познающему», «доверия эмпирическому субъекту познания». Они вписываются в контексты философии науки, расширяя и углубляя ее действительные эксплицитные горизонты. Сложные процессы субъективной природы и субъектной мотивации научного познания, его интерпретационных контекстов, закономерностей функционирования личностных, неявных, фоновых знаний и т.д. здесь получают своё осмысление и прописку. В метаориентирах философии познания, способной синтезировать разноуровневые когнитивные практики, рефлексировать сложные пересечения разнородных форм познания, открываются возможности методологического анализа сложных феноменов. Таковым предстает и феномен мировоззрения (нем. «Weltanschauung»).

О синтезе методологических подходов в рефлексии понятия мировоззрения. Не ставя своей задачей описание и пояснение всей сложности философско-методологической аналитики феномена мировоззрения [4; 7], обратимся к некоторым итогам исследования автора в форме констатации онтологической природы и сущностных черт мировоззрения как важнейшего атрибута бытия человека в мире, его эпистемологического образа, и некоторых методологических подходов аналитики, взаимосвязанных в данном исследовании. Исходным в аналитике мировоззрения в контекстах общих установок философии познания стал феноменологический подход³. В своем основании феноменологический

³ Именно феноменология, будучи открытой «иному» и способная достраивать «в себе» недостающие звенья, призвана прояснять «сущее в существовании» аналитических подходов самых разных – как классических, так и модернистских способов философствования. Исследовательски интересен и методологически значим сам путь, сам характер такого восполнения. «Феноменологию, – словами одного из видных последователей данного философского направления, Мориса Мерло-Понти, можно принимать и практиковать как способ или стиль, она существует как движение еще до того, как достигает полного философского осознания <...>. Именно в нас самих мы находим единство феноменологии и ее дополнительный смысл... Дело не столько в том, чтобы вести счет цитатам, сколько в том, чтобы объективировать эту феноменологию для нас, благодаря которой, читая Гуссерля или Хайдеггера, большинство наших современников изведали такое чувство, будто они узнали не новую философию, но скорее, встретились с тем, что давно ожидали. Феноменология доступна только феноменологическому методу» [18: с. 6].

подход полагает изучение смыслов и сущностей, но трансцендентальное он погружает в экзистенцию.

Сущностный философский анализ мировоззрения может быть дополнен *культурологической* (исследовательски – наиболее представленной) традицией рефлексивного анализа мировоззрения. Она «достраивается» при феноменологическом подходе до целостности, через подключение (по принципу уровневой дополнительности) к культурологическому – других, не менее традиционных: *эпистемологического, онтологического, аксиологического, праксеологического, антропологического* аспектов анализа. При этом каждый из данных аспектов сам может выступить генерирующим фактором такой систематизации и при изменившихся точках отсчета репрезентировать феноменологический подход к понятию мировоззрения в иных контекстах, в том числе в контекстах сущностно-репрезентирующей феномены мировоззрения проблематики образования. При этом каждый из этих традиционных подходов обогащает свое собственное содержание, получает импульс развития, обновляет смысловые поля исследования.

Так, в *культурологической* традиции анализа сложились классические представления о мировоззрении, его формах и типах как феноменах культуры. Проявляясь в специфических социокультурных и конкретно-исторических объективациях той или иной эпохи и наполняясь содержанием образующей его формы (как правило, культуро- и исторически значимой для определенного этапа развития общества), мировоззрение в логике культуры эксплицируется взаимосвязанными понятиями: «*духовное ядро*», «*квинтэссенция культуры*», «*основная культурологическая идея*», «*картина мира*», «*стиль мышления*» и др. Эти понятия наполняются ему (мировоззрению) созвучным сущностным содержанием («механицизм», к примеру, – как мировоззренческое ядро порождает механистическую картину мира, стиль мышления и т.д.), они оказываются формой проявления одного из основных функциональных назначений мировоззрения – быть *организующим ядром культуры*. Именно в этом смысле мировоззрение называется К. Мангеймом «*духом эпохи*», – формой, по его мнению, непосредственно невыразимой, в любых ее (культуры) видах объективации). О мировоззрении он говорит как о «*мирочувствовании*», «стоящем за этими объективациями» [19: с. 54–117]. И в этом своем качестве оно оказывается внешним, трансцендентным по отношению к жизни человека и человеческого сообщества основанием. Современной эпистемологией, воспринимающей, по существу, эти мировоззренческие смыслы познающего бытия, осознается важнейшая роль «предзнания», допонятийных, дорациональных форм созерцания бытия, идет поиск понятийно-логических форм для выражения такого постижения в теории

познания; мировоззренческое и методологическое знания при этом характеризуются как формы ценностных предпосылок науки [27: с. 244–297]. Так культурологический аспект анализа мировоззрения «достраивается» *эпистемологическим*.

Другим, столь же предельно общим феноменом из основных культурологических функционалов мировоззрения является *образование человека. Философия образования* методологически проясняет его мировоззренческую природу, актуальное содержание и культурно-исторические тексты мировоззренческой парадигмы [3; 7].

В актуальной культуре действительно значительно активизировались и культурообразующий, и собственно образовательный потенциал мировоззрения. Интенсивно обновляется мировоззренческая картина мира: идет поиск нового через встречу, диалог культур, сопровождающийся повышенным интересом к синтезу знания, к соприкосновению с классической традицией. Он связан с возрождением непреходящих ценностей человечества. (Выход на *аксиологический* аспект анализа мировоззрения). Идея синтеза становится характерной чертой современного менталитета. Изменяются и стиль, образ мышления эпохи: его своеобразным воплощением оказывается мировоззренческий дискурс. А культура мировоззренческого дискурса – необходимой для выработки позиций и практических решений оптимизации жизни, преодоления кризисных состояний бытия, решения глобальных проблем современности. В дискурсе рождаются новые понятия, смыслы, интерпретации, активизируется разум в поисках творческих решений и инновационных практик. Именно в контексте мировоззренческого дискурса сегодня обсуждаются идеи «нового мировоззрения», «философии устойчивого развития», вводится ряд значимых для современной ментальной культуры и практики понятий, таких как синергетическое мировидение, экологическое мировоззрение, экологическая культура, «ноосферное сознание, экология человека, экология культуры. Таким образом, дискурс вводит в содержательные поля современного мировоззрения новые смыслы, переориентируя ценностный ряд и сложившийся расклад его функционалов: миропонимания, мироощущения, мироотношения и др. [2; 3; 7; 28; 37]. А в методологической рефлексии культуроемкое согласуется с практико-ориентированным через ценностно-значимое и логически выверенное. Новые интересные исследовательские пласты, а с ними – смысловые поля понятия мировоззрения обнаруживаются и при изучении феноменов культурной истории, логически схваченных понятиями «подмены» и «превращения» [8; 9; 19; 39; 40]. Здесь, в поле культурологического подхода, также смыкаются разные аспекты рефлексивного анализа мировоззрения, но

наиболее отчетливо проявляется природа его интенциональности – существенное для мировоззрения и самого феноменологического подхода.

Так, в контекстах феноменологического исследования мировоззрение предстает своими сущностными характеристиками, проявляющими и его онтологическую природу, и методологический потенциал.

1. Онтологический подход к понятию мировоззрения, раскрывающийся в проекциях феноменологического метода, и позволяет, на мой взгляд, исследовать «здесь-бытие» (Dasein) в качестве «сущего», которое, по Хайдеггеру, «в своем бытии *понимая* относится к своему бытию», т.е. как «обладающее мировоззрением». В своей онтологической природе мировоззрение предстает как бытие не только как формирующейся, но и самовоспроизводящейся целостности «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности. В этом плане методологический потенциал мировоззрения раскрывается в его понятии как формы рефлексии целостности духовного и практического экзистенции, необходимой для воссоздания цельности бытующего в мире человека и гармонизации его мироотношения.

2. Сущность мировоззрения кроется в онтологии человека, духовно-практической природе его бытия. Мировоззрение предстает особым способом «включения» человека в мир посредством специфического идеального конструкта. В мировоззрении формируются, трансформируются, преобразуются миры человеческого бытия, происходит «упорядочивание» первичного хаоса бытия, прояснение «непонятого мира» до его смысловой «прозрачности» – в целом идентификация человека и его адаптация к условиям внешней среды. Мир внешний «превращается» в контекстах мировоззрения в мир внутренний, трансформируясь в образы, смыслы и ценности, экзистенциально значимые для человека.

3. Онтологическая природа обуславливает «особенное» размерности мировоззрения – его амбивалентность, составляющую целостности противоположностей: ментального–визуального, рационального–иррационального, научного–вненаучного, повседневного–культуроемкого, личностного–социального, конечного–бесконечного, трансцендентного–имманентного, вечного–преходящего и т.д. Амбивалентная природа мировоззрения, с одной стороны, порождает специфику его рефлексии, реализуемую в основаниях феноменологического метода, а с другой стороны – его собственный методологический потенциал, раскрывающийся возможностью в контекстах мировоззрения уловить мысль и обозначить целостности, осуществить синтезы знаний.

4. Природу мировоззрения характеризуют полифоничность мировоззренческих форм, мировоззренческих взглядов, широта его функциональных возможностей. Природой мировоззрения полагается

возможность осмысления действительности с разных мировоззренческих позиций; «встреча» мировоззренческих взглядов, их диалог, дискурс, корреляция.

Мировоззренческая ориентация образования предполагает и его «инкультурацию», или погружение образования в культурологический мировоззренческий контекст. Это означает обретение навыков встречи с позицией «мировоззренчески-ино»; формирование позиции мировоззренческого дискурса, умений мировоззренческой аргументации, способностей обоснования собственных мировоззренческих взглядов, самостоятельного выбора позиции. Образование в этом плане можно представить в мировоззренческом контексте «диалога культур» (В. Библер). Посредством такого диалога оно обретает свой емкий культурологический фон. В нем проявляется и реализуется *культурологическая толерантная позиция педагога*.

5. Для мировоззренческого познания характерна своеобразная незавершенность, динамичность и естественное внутреннее побуждение к обновляемости мировоззренческой мысли. Природе мировоззрения свойственна непрерывная тяга к «додумыванию», переинтерпретации смыслов и содержания, устремленность к переосмыслению действительности и обновлению наличных знаний в контекстах изменяющегося духовно-практического опыта человека, обращенность к будущему через осмысление опыта прошлого. Именно в мировоззренческом контексте встречаются традиции и новации познания и деятельности, осуществляется их осознание и ценностный выбор. Это качество мировоззрения может стать основанием роста креативных начал познания и образования.

6. Качеством мировоззрения является и возможность соизмерения в его контекстах, на первый взгляд, несоизмеримых и исключаящих друг друга реалий бытия и мысли: трансцендентного (выходящего за пределы возможного опыта человека, каковы: «Бог», «вечное» и «бесконечное»; «идеалы» и «ценностные абсолюты» – «Истина», «Добро», «Красота» и т.д.) и повседневного; духовного и практического; личностного и общественного; индивидуального, локального и культуроемкого, обобщенного; действительности мысли и поступка человека. В мировоззрении и через мировоззрение действительно «соизмеряются» истины Духовного, Абсолютного, «Бога» и повседневного, реального поступка. Истины социального – Долга и – индивидуального – Желания. Они оцениваются, усваиваются, принимаются или отвергаются субъектом, становятся внутренними импульсами *самоорганизации и саморегуляции* в реальном процессе познания и жизнедеятельности.

7. Таким образом, именно в мировоззрении и через мировоззрение осуществляется синтез знаний

и «когнитивных практик». Синтезирующий характер мировоззрения устремляет к обобщающему взгляду на мир, к поиску универсальных оснований оценок и взаимопонимания. Способствует упорядочиванию хаоса бытия, преодолению кризисов и согласованию функционирующих форм познания, ценностных ориентаций человека и человечества. Поэтому сам феномен мировоззрения и аналитика его сложной «духовно-практической природы» оказываются методологически ценными в исследовании самых разных граней праксиосферы, ее современных проблем, задач и ориентиров функционирования и методологически выверенного саморазвития. Определенное звучание и значение здесь обретает методологический дискурс трансдисциплинарных подходов и мировоззренческие контексты рефлексии практико-ориентированной логики трансдисциплинарности, обращенной, в частности, к реформирующейся системе образования.

Логика трансдисциплинарности и мировоззренческие ориентиры образования. Сложность проблемных вопросов методологии и практики познания в условиях современности по-своему свидетельствует о той парадоксальности ее экзистенциальных ситуаций, когда «истина бытия и бытие истины расходятся» (А.В. Ахутин). И здесь особо востребованной становится разработка методологически аргументированных проектных моделей и обоснованных форматов «опережающего» развития праксиосферы. Актуальной в этом плане предстает реформирующаяся система образования. Контексты инноваций «опережающего образования» методологически сопровождают регулятивные идеи логики трансдисциплинарности⁴. Трансдисциплинарный опыт постнеклассической науки, отмечает Л.П. Киященко, «строится на парадоксальной установке». Он сохраняет в своих основаниях «объективность классического рационализма» и те начала «субъективности», что порождают эту рациональность [13: с. 138–139]. Логика трансдисциплинарности тем самым оказывается «открытой» и «чувствительной» к вопросам жизненного мира человека. Экзистенциальная «логика парадоксов» оказывается способной прояснять (настраиваясь на предмет методологического осмысления и практической оценки в выборе векторов поиска решений) такие феномены, как симулякр, текущая современность, глобальное и т.д. В чем же истоки и суть согласованности дисциплинарных подходов в логике трансдисциплинарности? И чем эта логика может быть полезна рефлексии феномена образования?

История методологии научного познания знает функционирование самых разных форм дисциплинарных связей и их методологических подходов, в том числе – *мультидисциплинарности*⁵ и *междисциплинарности*⁶. Особенность *трансдисциплинарности*, прежде всего, в ее ориентации на *синтез знаний* и задачу *решения актуальных, злободневных практических проблем*. Изначально, как отмечается в литературе, она была задумана как «метаметодология», и позднее в своей эволюции трансформировалась в самостоятельную дисциплину с разноуровневой систематикой обоснования проектной деятельности в сферах науки и образования. Вместе с тем определенным барьером построения такой методологии изначально стал сам механизм интеграции, синтеза дисциплин, предметных областей знания [13; 29; 30; 32; 35].

Трансдисциплинарность в своих методологических истоках и основаниях характеризуется, как ранее отмечалось, такими познавательными ситуациями, которые требуют в силу своей непосредственной обращенности к практическим проблемным полям жизненного мира. Поэтому в поисках интеграции, целостности и, что важно, своего собственного исследовательского кредо и методологической обоснованности, логика трансдисциплинарности мыслит теоретический разум (в качестве исходного, базисного основания) трансцендирующим в *пограничную* с жизненным миром сферу. В «транс-ситуации» – ситуации «над жизненным миром» мыслящий разум ориентируется (в логике трансдисциплинарности) на решение насущных, злободневных проблем экзистенции на нескольких уровнях одновременно – уровне глобального и локального, физического и ментального и т.д.⁷ [30].

⁵ Мультидисциплинарность, как отмечается в литературе, характеризует ситуацию такой связи различных дисциплин, когда каждая из них в рамках своей предметной области исследует один и тот же объект, фрагмент реальности. Таковым может стать человек, природа, общество, культура и т.д.

⁶ Междисциплинарность предполагает взаимодействия дисциплин, при которых могут возникать на основе интегративных связей новые дисциплины (биофизика, биохимия). А также такие ситуации, при которых понятийный аппарат и методологический арсенал одной дисциплины используется в другой предметной области знания для решения ее собственных дисциплинарных вопросов. История науки демонстрирует подобные факты, характеризуя междисциплинарный статус таких дисциплин, как физика, кибернетика, системный анализ, синергетика.

⁷ Соотнесем данную связку дуальных оппозиций с «особенным» размером мировоззрения – его амбивалентностью, составляющую целостности противоположностей: ментального–визуального, рационального–внерационального, научного–вненаучного, повседневного–культуроемкого, личного–социального, конечного–бесконечного, трансцендентного–имманентного, вечного–преходящего и т.д., о чем ранее говорилось.

⁴ Отметим, что инновационная и дискурсивная идея трансдисциплинарности в образовании, как мы увидим далее, способна воплотиться в диалектике «традиции–новации», воспринимая и удерживая в качестве экзистенциально значимого ценный опыт классической матрицы образования.

Тем самым трансдисциплинарный подход представляет особенную методологию. Прежде всего, это *философско-методологический подход* к анализу сложных «жизненно-практических» состояний и ситуаций актуальной истории и актуальной культуры. Исследователи отмечают несомненный потенциал такой «встречи» философии с различными «иными» формами разумного, духовного и практического освоения мира при решении насущных проблем: экологической, демографической, информационно-энергетической и др.; в соединении общечеловеческих усилий, направленных на охрану здоровья и качества жизни человека; на совместные действия в противостоянии угрозам насилия, терроризма и экстремизма. Сама же трансдисциплинарность оказывается «одним из векторов многомерной трансгрессии современной науки за рамки своей классической самоидентификации в сферу становления своих основополагающих различий и идентификаций» [30].

И если с данных методологических позиций обратиться к оценке современных состояний образования и образовательных реформ – как практической проблемы их бытования в глобальном мире – становится ясней необходимость и возможность соотносимости разных подходов, концептуальных схем интерпретации и оценки этих процессов. Тем более что сам характер производства современного научного знания представляет собой сложный конструкт взаимодействующего сочетания – фундаментальных исследований – в поиске научной истины; прагматически ориентированных исследований, нацеленных на эффект пользы; гуманитарных исследований – ориентированных на обоснование и демонстрацию онтосов свободы, экзистенциальной правды и человеческого достоинства; обоснование жизненного потенциала креативности и творческой природы человека.

Вполне понятно, что данные векторы саморазвития современной науки воспроизводятся и сферой образования. Очевидно и то, что именно прагматически ориентированные исследования, осуществляющиеся в сложной сети академических и коммерческих, государственных и общественных учреждений, оказываются наиболее коммерциализованными и практически востребованными для своей реализации методологических усилий трансдисциплинарности.

Что же касается трансдисциплинарных ориентиров развития высшего образования в России, следует отметить то, что логически трансдисциплинарный подход должен стать солидной методологической платформой значительного расширения мировоззренческих ориентиров научного познания и сферы образования. В ориентирах высшего образования, согласно «Всемирной декларации о выс-

шем образовании для XXI века: подходы и практические меры», основополагающей задачей высшей школы становится *формирование у студентов особой (трансдисциплинарной) мировоззренческой позиции*. Она раскрывается как обучение навыкам «редуцирования», «трактовки дисциплинарных знаний» с позиций и через призму «универсальных (трансдисциплинарных) закономерностей и моделей действительности»; обретение опыта использования трансдисциплинарного подхода в решении сложных многофакторных проблем природы, общества, человека, проблем в профессиональной сфере [30; 35]. При «встрече позиций» ориентиры на «ценностное», «субъективное», «личностное» в методологии трансдисциплинарности, несомненно, значимы, и в этом плане она представляет атрибутику гуманитарного познания и логически становится ведущей в рефлексии сферы образования.

Однако эта методология для высшего образования в России на сегодняшний день еще остается только значимой перспективой – перспективной методологией проектной деятельности в сфере образования, способной объединить усилия теоретиков и практиков; ученых разных предметных областей, представителей сферы управления, инициативную общественность, сторонников разных мировоззренческих направлений – в общем заинтересованном дискурсе по выработке и воплощению в жизнь оптимальных практических решений актуальных, сложных проблем современности. Эта работа требует больших концептуально-теоретических усилий, организованного практического и управленческого сопровождения [1; 5; 30; 35]. Вместе с тем складывается убеждение, что реальная управленческая деятельность в практике высшего образования в России сегодня все более отдалается от реализации потенциальных возможностей действительной практической логики трансдисциплинарности, абсолютизируя приоритеты техничности, экономичности и прагматичности. Налицо новые «вызовы» и риски форматов «опережающего образования» – непонимания его сущностной, онтологической природы; недооценки реальных угроз его разрушений посредством внедрения в жизненный мир моделей его (образования) усеченных форматов и оснований редукционистской логики поверхностных значений.

И вновь нельзя не обратиться к методологическим основам классики. «В культуре и социуме, – пишет Л.А. Микешина, – осуществляются два встречных процесса, из которых складывается образование: первый, по Гегелю, – подъем индивида ко всеобщему опыту и знанию, поскольку человек не бывает от природы тем, чем он должен быть; второй – субъективация всеобщего опыта и знания в уникально-единичных формах "Я" и самосозна-

ния». Рассмотрение образования в единстве культурального и антропального, «где одновременно признается "всеобщий" характер "Я" и самостоятельное значение "живой" индивидуальной субъективности вне всеобщих форм» способствует выявлению «герменевтических смыслов образования». В них субъект образования предстает «мировоззренчески нагруженным» (М.А.), «как человек, непрерывно интерпретирующий, расшифровывающий глубинные смыслы, которые стоят за очевидными, поверхностными смыслами, раскрывает уровни значений, скрывающихся за буквальными значениями» [24: с. 112]. Так сохраняется человеческое в человеке и воспроизводится «сущностно-человеческое» лицо мира. И какими бы новациями методологических и методических «поворотов» не озадачивала себя практика образовательных реформ, ей не дозволено не понимать этого глубинного, сущего, способного проясняться и обновленно воспроизводиться на очередной ступени саморазвития человеческой культурной истории.

Дорогая Людмила Александровна! Огромное спасибо Вам за Ваши интеллектуальные труды, питающие мысль и творческое воображение. На них хочется бесконечно учиться, их хочется читать, читать и перечитывать. Спасибо за Ваше неутомимое наставничество, за жизненную мудрость, душевное тепло и удивительное человеческое обаяние! С огромной любовью к Вам, примите мои самые добрые поздравления со славным Юбилеем и искренние пожелания крепкого здоровья, благополучия и еще много-много замечательных книг!

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, М.П. Идея трансдисциплинарности в методологии социально-гуманитарного познания и образования : монография / М.П. Арутюнян, С.И. Давыдова, Л.С. Малявина, М.А. Маниковская. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. – 176 с.
2. Арутюнян, М.П. Идея целостности мировоззрения: контексты созвучия русской и китайской социокультурной традиции / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 19–25.
3. Арутюнян, М.П. Мировоззренческая парадигма образования: актуальные методологические смыслы / М.П. Арутюнян // Полиэтническая среда – основа развития надпрофессиональных навыков : материалы междунар. науч.-практ. конф. (КНР, Харбин, 3 нояб. 2019 г.). – Хабаровск, 2020. – С. 5–10.
4. Арутюнян, М.П. Понятие мировоззрения в дискурсе метафизики / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3 (31). – С. 49–53.
5. Арутюнян, М.П. Трансдисциплинарный подход в рефлексии развития образования / М.П. Арутюнян // Проблемы высшего образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. (11–13 апреля 2018 г.). – Хабаровск : ТОГУ, 2018. – С. 8–10.
6. Арутюнян, М.П. Трансформация методологических подходов рефлексии феномена телесности / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (44). – С. 11–20.
7. Арутюнян, М.П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : монография / М.П. Арутюнян. – Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 336 с.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 322 с.
9. Блюменкранц, М.А. Введение в философию подмены: (Легенда в историко-философской перспективе) / М.А. Блюменкранц. – Москва : Весть, 1994. – 88 с.
10. Гайденко, П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века / П.П. Гайденко. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.
11. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Э. Гуссерль. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999.
12. Касавин, И.Т. Рациональность в познании и практике. Критический очерк / И.Т. Касавин, З.А. Сокулер. – Москва : Наука, 1989.
13. Киященко, Л.П. Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности / Л.П. Киященко // Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Мирь, 2009. – С. 137–169.
14. Косарев, А.Ф. Феноменология мифа: Мифология и ее эвристическая значимость / А.Ф. Косарев. – Москва; Санкт-Петербург, 2000. – 304 с.
15. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1999. – 487 с.
16. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – Москва, 1990. – 655 с.
17. Мамардашвили, М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии / М.К. Мамардашвили. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.
18. Мерло Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло Понти. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999.
19. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – (Серия: «Лики культуры»).
20. Мангейм, К. Очерки социологии знания. (Теория познания – мировоззрение – историзм) / К. Мангейм. – Москва : ИНИОН, 1998.
21. Микешина, Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 575 с.
22. Микешина, Л.А. Прорыв в новую эпистемологическую проблематику / Л.А. Микешина // Эпистемология & философия науки. – 2009. – Т. XIX, № 1. – С. 76–82.
23. Микешина, Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы / Л.А. Микешина. – Москва : Полит. энцикл., 2016. – 463 с. – (Серия «Humanitas»).
24. Микешина, Л.А. Субъект, образование, истина / Л.А. Микешина // Синергетика и образование. – Москва : Гнозис, 1997. – С. 112–118.
25. Микешина, Л.А. Философия познания XXI век. Синтез когнитивных практик / Л.А. Микешина // Вестник Российского философского общества. – 1999. – № 3 (11). – С. 22–31.

26. Микешина, Л.А. Философия познания: полемические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
27. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 439 с. – (Серия «Humanitas»).
28. Моисеев, Н.Н. Быть или не быть человечеству? / Н.Н. Моисеев. – Москва, 1999. – 88 с.
29. Мокий, В.С. От дисциплинарности к трансдисциплинарности в федеральных государственных стандартах высшего образования / В.С. Мокий, М.С. Мокий // *Universum: Общественные науки : электрон. науч. журн.* – 2016. – № 9 (27). – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3685> (дата обращения: 05.05.2020).
30. Мокий, М.С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения / В.С. Мокий, М.С. Мокий. – URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/87.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
31. Мокий, В.С. Трансдисциплинарный метод усиления междисциплинарного синтеза социально-экономического и гуманитарного знания / В.С. Мокий // *Universum: Общественные науки : электрон. науч. журн.* – 2016. – № 8 (26). – URL: <http://7universum.com/ru/social/arhive/item/3559> (дата обращения: 15.05.2020).
32. Таранова, Т.Н. Трансдисциплинарный подход в подготовке магистров / Т.Н. Таранова, Э.М. Ахмедова // *Мир науки, культуры, образования.* – 2017. – № 1 (62). – С. 155–156.
33. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997.
34. Херрманн, Ф.-В. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф.-В. Херрманн. – Томск, 1997.
35. Черникова, И.В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учебное пособие / И.В. Черникова. – Томск : Издат. дом Томск. гос. ун-та. – 2018. – 86 с.
36. Широканов, Д.И. Философские проблемы междисциплинарного синтеза / Д.И. Широканов. – Минск : Белорусская наука. – 363 с.
37. Arutiunian, M. "Ecologizing" Education in Russia / M. Arutiunian // *What Works. A Guid to Environmental Education and Projects for Practitioners and Donors.* – Canada : New Society Publishers, 1999. – P. 42–43.
38. Bocheński, J.M. Europäische Philosophie der Gegenwart, 1947 / J.M. Bocheński // ФЭС. – Москва, 1998.
39. Bultmann, R. The problem of Demythologizing / R. Bultmann // *The Hermeneutics Reader. Texts of the German Tradition from the Enlightment to the Present.* – New York : Continuum, 1994.
40. Dialogues with the Living Earth. New Ideas on the Spirit of Place from Designers, Architects, & Innovators. – USA, Quest Books Theosophical Publishing House, 1996.
41. Ross, S.D. The Scientific Process / S.D. Ross. – Martinus Nijhoff (The Hague), 1971.
42. Usher, R., Postmodernism and Education / R. Usher, R. Edwards. – London, New York, 1994.